

ДЗ

*Похоже, что пришло время. Как стало понятно,
что пришло время?*

В Е Р Л И Б Р Ы

*Точно так же, как было понятно, зачем писать.
А зачем еще стихи пишут?*

Е Я

Риц Дзея

12+

Риъ Дзея

Дзея

«ЛитРес: Самиздат»

1991

Дзея Р.

Дзея / Р. Дзея — «ЛитРес: Самиздат», 1991

ISBN 978-5-532-06185-9

Сборник верлибров, написанных в юности. Зачем было писать? Затем, что писалось. Зачем теперь издавать? Похоже, время пришло. Как стало понятно, что пришло время? Точно так же, как было понятно, зачем писать. А зачем еще стихи пишут? Это риторический вопрос. Ответ: а затем. Спасибо за вопросы. Побольше бы таких.

ISBN 978-5-532-06185-9

© Дзея Р., 1991
© ЛитРес: Самиздат, 1991

Содержание

От автора	5
Мысли о родине	7
Понедельник, утро, весна	8
Кризис	9
Туман	10
Поверьте	11
Я был у моря в декабре	12
Весной	13
Про зимний день	14
Вразброд	15
Мистификатор	16
Жажда	17
Три	18
Где бы ни	19
Двуединство	20
И радость, и грусть	21
Образ мысли	22
Когда о любви и дожде	23
Лейя	24
Лессинг	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

От автора

Я вообще-то не собирался писать никаких вступительных слов. Потом подумал, надо хоть здрасте сказать. Привет! Рад, что поинтересовались моей «дзеей». Стихи – они как порыв ветра, как лужа под ногами, как досада и случайная радость. Стихи как дети, к чему объяснения, если и так все понятно. Читай, не читай, нравится, не нравится. Пиши, не пиши. Я писал, пока писалось. Любил. Потом перестал. Потому что перестал. Жизнь так повернулась, что меньше осталось времени на дэй-дриминг. Хотя куда без него – возвращался к написанному стопятысот раз: а, ерунда, или нет, что-то тут все-таки есть. И возвращался, и возвращался. Значит, все-таки, что-то есть. Ну, для меня самого, конечно.

Еще из ненужных подробностей просто-таки колется добавить, что основная масса стихов тут из армейского периода. Я, понятное дело, очень переживал, обстоятельства максимально способствовали рефлексиям. Кроме того, значительную часть второго года я провел в экзотической для меня стране – Черкесии. Сказать, что вспоминаю те времена и Черкессию с теплотой, значит не сказать ничего. В неизменных ночных дежурствах по складу у меня было все время в мире для перестроечной периодики и рефлексий.

«Над Черкесией солнце», кстати, одно из моих любимых. Потому что помню ту странную для 20-летнего парня нежность, с которой писал его. Было странное ощущение окрыленности. Может, потому что писал о себе. И не просто о себе—о дембеле, хоть и относился к нему, признаюсь, без фанатизма. За два дня до двадцатилетия. Не стану признаваться, что сейчас, читая, готов разреветься. Пусть это останется интимной подробностью.

Ну, раз уж о любимых, то добавлю еще «Двуединство». Когда писал, мысли бродили, как всегда, в такие моменты легкого транса, астрала, медитации что ли. Не думал тогда, конечно, что буду эти строчки всю оставшуюся жизнь про себя повторять. Хотите сказать, что раздвоение личности это, так сказать, ментальный «кондишен», который в общем-то лечат? Может, и лечат. Пусть тот, у кого нет какого-нибудь «кондишена», вот, прямо сейчас перестанет это читать и бросит в меня камень, телефон или что там еще есть под рукой. Позже-то я выяснил, благодаря некоторым вполне себе научно обоснованным теориям, что делятся все как один и что две части – это еще ягодки. Но дело не в этом.

Что еще? Из поздних – «Я и женщина в рыжем» и «Холод». В «Женщине в рыжем» нет ни слова о самой женщине. Это был новый этап в жизни. Начиналась что-то, совсем не похожее на юность. В моей жизни началась женщина в рыжем. А «Холод» люблю за ритм.

Это в общем верлибры, но чаще всего не без ритма. Этим, мне казалось, (мои) стихи и отличаются от потока слов. Немного экспериментировал с рифмой, но слишком много усилий на это не тратил. Как хотите, я люблю ее не за то, поэзию, или, проще, стихи. Они ж не от того стихи, что кончики одних строк цепляются за кончики других, через раз эдак. Ну, кому-то, может, и от того. Я мне всегда казалось, что стихи от того стихи, что читаются в ритме дыхания. В ритме сердца и в ритме мысли. Поэтому, наверно, и читать стихи надо вслух.

Ах, да, что такое «дзея»? Dzeja – латышское слово такое. Значит «стихи» или «поэзия». Я родился и вырос в Латвии. Как вы могли понять, стихи-то точно чаще всего пишу на родном языке. Но и латышский для меня как родной. «Прозы», так сказать, всяких блогов и статей я несравненно больше написал по-латышски и по-английски. А вот дзея моя по-русски. Кто-то в комментариях к моему блогу написал однажды – ты как будто стихи пишешь. Комментарий был на латышском языке, и автор комментария употребил именно это слово. С тех пор я про себя свою писанину так и называю.

Техническая деталь, досадная подробность. У тех, кто читает печатную версию, прошу прощения за заголовки, неделикатно торчащие в середине строки. Таковы сеттинги, и по

уверениям старожилов и гуру службы поддержки милого «ЛитРеса», они «вылиты в граните» (прошу прощения за плоскую шутку).

...А хотел только поздороваться. Думал было поменять каменнолицее «От автора» (шматфара) на что-нибудь ободрительно-восклицательное, а потом решил, что пусть под-от-авторский текст будет полегкомысленнее, а заголовок от этого даже прикольней кажется. Ну, кажется, все. Больше добавить нечего. А дальше пусть нравится или не нравится.

Мысли о родине

Дождь родину напоминает.
Сосны, динозавры, дети моря и песка.
С детства
Шум сосен и моря.
Холодное суровое море, и острые иголки хвои.
В тумане, пахнущем холодным дождем.
Позеленевшие от холода, тумана и соснового ветра
Церковные петушки тоже смотрят на море.
Это моя родина.

Апрель 1983

Понедельник, утро, весна

Сегодня я дружу с собой,
Сегодня воскресенье.
Я нарушаю твой покой,
Какое невезенье.
Я прибегаю к телефону,
Гудки буравят ухо.
Я прибегаю к телефону,
«Я занята, отстань!»
А солнце бьет по окнам,
А воздух густ и чист,
А я тобою проклят,
И в трубке только свист.
И трубку я бросаю,
Я стискиваю зубы,
Кроссовки надеваю,
Пол подметаю чубом.
Бегу на электричку,
Друзей презрев, бегу,
И зажигаю спички
Без толку на ветру.
Устал, ищу угла,
И толь от дыма, толи от раненья,
В глазах слеза.
Сегодня у дружу с собой,
Сегодня воскресенье,
Я оскорбляю сам себя
И у себя прошу прощенья.
Я не прощаю сам себя,
Но и тебя я не прощаю,
Когда-то ты поймешь меня,
Но будет поздно, я растаю.
Сегодня у дружу с собой,
Сегодня воскресенье,
Сегодня длится много лет.
Какое невезенье.

Май 1984

Кризис

Мой траур сидит на дереве,
Не плечах моих, на шее,
Печалит меня то, что ушли надолго счастье и радость.
Кризис как мороз наступил, жжет и плечи опускает.
Я сам не свой и помочь мне нельзя,
Я дойду полосой черной к белому,
Все пройти, испытать заставляет жизнь,
И душа кризисует досадно.
Не печаль моя, не она тоска,
Не про то, что писал, я думаю.
Я пришел к концу

Февраль 1985

Туман

Капельки тумана стоят в воздухе без движения.
Атмосфера состоит из капелек.
Кажется, возьми город сейчас и выжми,
И как много воды окажется во всех закоулках,
Ямах, на каждой стене, на окнах, на траве,
На подернутых как будто сединой желтых кронах.
Тишина.
В тумане и тишине рождаются шпили, островерхие крыши.
Северная изящность, легкость и тяжесть.
В тишине и обреченности на увядание,
Среди шепчущихся капелек
Отголоски хорала.
День, похожий на увядание, серый,
Серое небо, серые желтые деревья, туман, орган.
Люди спешат, не видят друг друга,
В их легких тоже капельки и они тоже слышат орган.
Гляжу на высокие, сводящие кверху две линии церковные окна.
Деревянные скамьи, церковь пуста.
Слушаю, замерев.

Сентябрь 1984

Поверьте

Что волнует меня, человека?
Даль эховая, близь сложная?
Цель моя заветная?
Как клятва в рабстве – завет?
Нет.
Здоровье сначала, а рабство потом.
Устал раскрывать темы.
Хочется просто нести вздор,
Что в просторе,
Все складывается из грусти.
Убейте в себе зверя, раскройте глаза
И поверьте во что-нибудь.

Декабрь 1984

Я был у моря в декабре

Я был у моря в декабре.
Суровый ветер дождь метал по пляжу,
Из темноты неслись шум сосен и ворчанье пены.
Далекий, мощный гул.
Декабрьское море наступает,
Кидает в город дождь.
Я тосковал по сентябрю, по тихому лесному листопаду,
Последним моим верам на тепло.

Февраль 1985

Весной

Светлой ночью звон капли.
Это оттепель и пахнет весной,
Пахнет тающим снегом и мокрым ветром,
Пахнет собачьей шерстью.
Пахнет лужей.
Светлая ночь за окном,
Небо тучливое, мрачное.
Грустится.

Январь 1985

Про зимний день

Зимний лес за окном, за дорогой
Белыми шапками вслед поезду машет.
Синие ели, березы и сосны
У порога в мир сказки,
Белого снега и голубого мороза.
Мчит электричка,
Сверкает огнями на стыках,
Въезжает в день новый из ночи.
Солнце встает,
Золотит небосвод,
Жуткий мороз не щадит.
Прощается ночь и уходит отсюда,
Чтоб скоро вернуться
И в хваткий космический холод
Вернуть наш задумчивый Север.
Наш темный Север спит под снегом.
Ему в дымах сел и повесей,
И в душных берлогах,
Под шубою снега на соснах и елях
Не страшен мороз, вой свирепых метелей.
Апрельских капелей не жди.
Скрип снега. Сухая зима.
Спасаясь дома, а щеки горят.
Едет электричка, едет,
Рассекает утреннюю свежесть,
Несется из города в город,
Я сжался в углу на сиденье,
Раскрыл блокнот, подул на пальцы.
Зимний лес за окном, за дорогой.

Январь 1985

Вразброд

Вы хотите увидеть тексты, где все мысли вразброд?
Образец шатания среди пустот?
Пишите.
Читайте.
Лелейте мысли, кладите из в строки,
Не ищите стихоразмеров.
Пишите деревья. Рисуйте слова.
К концу дня прогресс творит с головой умопомрачительные вещи.

Февраль 1985

Мистификатор

Скрипач и скрипка поют вместе.
В той песне нет лести.
За сто гор, за сто рек зовет песня.
На дальний путь обрек
Старый еврей свою душу.
Серый нос, впалые глаза, пьяные руки.
Он работает за хлеб, он делает слезы.
За слезы хлеб.
Что дашь за соленую воду?
Тебе одному скрипка пела.
Облита вином и слезами.
Старый еврей тебя облил на прощанье взглядом.
Черные глаза – единственное, что не выцвело на лице.

Февраль 1985

Жажда

Только ночью дышу.
Эта ночь не колдует – пьянит.
Яблочный ветер застиг,
Ни души на квартал.
Только где-то в дали шум бегущих машин.
Шум берез, шум окраины города.
Если б мог я уйти,
Взяв друзей, взяв подруг,
Если был бы я чародеем,
Запах трав я назвал бы любовью
И, наверное, все бы отдал за любовь.
Не забуду я синюю даль,
Неба звездную крышу.
Как укроет меня, не забуду.
Силуэты дерев, и сгущается ночь,
Как стена иллюзорная – небо, березы.
Воздух ночной.
Он так густ и так чист,
Что хоть ешь его ложкой и с хлебом.
Небо – не колокол, месяца нет,
Тушит огни моя улица.
И ветер скользнул по щеке.
Ночь так мягка и упруга – прыгай в нее из окна.
Ночь подступает, жизнь предваряет, утро рождает.
Летняя ночь проливается в комнату
Легким стихом.
Стук колес.
Ночью живу, ем ее ложкой,
Ни с кем не делюсь.

Июнь 1985

Три

Громогласье, талант в требовании.
Маленькая серость, незаметная, ненужная,
О звездах что-то силится рассказать.
Звезды не ложатся на бумагу,
И разрастаются строки восклицательными знаками.
«Не выразить в словах», кричит.
Рука застыла на последней точке
Магического трехточия.
В точках чувства, песни, музыка.
Точки растворяются как птицы в небе.
Точка бесконечна, невидима и беспричинна.
Никому не принадлежит.
Пусть птицы, и вселенная, и все маленькие серости
Кружат вокруг трех точек.

Июнь 1985

Где бы ни

Иду огненными улицами вечернего города.
Люди стоят по углам.
Одни предлагают тебе сигареты, другие дарят себя.
Одни продают дешевые билеты, другие мыло, третьи душу.
Иду улицами, подворотнями, везде шепот: остановись.
Нет сил на счастье?

Июль 1985

Двуединство

Я делюсь
На себя,
На себя.
В диалоге души и сердца
Я делюсь на себя, на себя.
В одночасье
Я делюсь на две целые души,
В тишине говорящих с друг с другом.
Это я, это я.
Говорю сам с собой.
Две души из одной неделимой.
Они спорят и ищут ответ,
Перекрикивая друг друга
И удерживая друг друга,
Успокаивая друг друга.
Рассуждает разум, выбирает одну,
Как нить в лабиринте страстей,
Лучшую из двух испуганных птиц.
Я делюсь на себя, на себя,
И когда я бываю мрачен,
Плачет одна душа моя
И тоскует другая.
И пусть разум един,
Я делюсь. И делюсь я всегда.
На себя, на себя.

Август 1985

И радость, и грусть

Сквозь богатый зеленый убор
Солнце светит, лучами играя.
Недалек переход на унылый минор,
Когда осень царит золотая.
Не могу не дивиться ее красотой,
Не могу не оплакивать лето
В дождь с трясущейся бородой,
В листопады.
Под звук.

Август 1985

Образ мысли

Я иду по зеркалу, как по мокрой дороге,
А в нем отражается небо.
Серое небо без солнца.
В нем отражаются сосны.
Сосны раскачиваются голыми стволами.
Слушаю музыку как грозу.
Кидаю краски, не жалею мазка.
Не ищу трагизма в осени.
Ищу зябкого покоя.

Август 1985

Когда о любви и дожде

Когда человек о любви хочет рассказать,
Берет гитару в руки.
Два голоса – гитара и человек,
А за ними только молчание.
Вы замечали, что молчание и тишина
Могут быть не похожи друг на друга?
И что свою душу можно раскрыть без слов?
Стучат капли дождя,
А для меня сегодня поет гитара.
Тихая вечерняя мелодия сливается с шумом дождя.
Молчу. Замолчала и гитара.
Дождь не перестает.

Июль 1985

Лейя

Я задумывал филкипер,
Я задумывал ларец,
Записать чрез строчку мысли
И сплести в один венец.

Сентябрь 1985

Лессинг

Я чувствую ночь за окном,
Я чувствую стену тьмы,
Я чувствую незримое соприкосновенье –
Реальное ощущение –
Я – под звездами,
Свету звезд открытая дорога в земной мир.
Очарованный человек
Широко раскрытые глаза
Не может оторвать от звезд.
И сосны во мраке мерцают.
Фосфором светится каждая хвоинка
На каждой протянутой к звездам ветке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.